

В.Б. Шерстнев

Нижегородская академия МВД России

Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, Бокс-268, Анкудиновское шоссе, д. 3

ORCID: 0000-0002-0594-3046., E-mail: Vsherstnev99@gmail.com

Прекращение уголовного преследования в связи с полным возмещением ущерба

Аннотация: Создание специального согласительно-компенсаторного механизма разрешения уголовно-правовых конфликтов в сфере экономики является актуальной политико-правовой проблемой. Без её разрешения невозможно установление новой системы правовых отношений в сфере экономики между государством, населением и бизнесом, соответствующей потребностям социально-экономического развития России. Формально такой механизм предусмотрен статьями 761 УК РФ и 281 УПК РФ. При его нормальной работе решалась бы главная задача: возмещение ущерба от преступлений экономической направленности, восстановление общественных отношений в экономике. Кроме того, результат достигался бы с максимальной экономией сил и средств правоохранительных органов. Однако в практической деятельности, прежде всего на предварительном расследовании, данный правовой механизм применяется мало и своё назначение не выполняет. В статье объясняются причины этого явления и предлагаются меры по их устранению. Часть этих мер юридико-технического характера связана с оптимизацией существующей модели прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба. В их числе предлагается отказ от таких условий принятия решения о прекращении уголовного дела (преследования), как первичность, степень общественной опасности преступления, полнота согласия лица с выдвинутым против него подозрением (обвинением) и другие. Однако гораздо больший эффект от анализируемого правового механизма мог бы быть достигнут при условии проведения реформы предварительного расследования. Установление судебного порядка предъявления обвинения, формирования основания уголовной ответственности и освобождения от неё в связи с возмещением ущерба от преступления, совершённого в сфере экономики, сделало бы процедуру справедливой и открытой, а потому и привлекательной для всех участников уголовного дела.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, возмещение ущерба, преступления в сфере экономики, реформа предварительного расследования.

Для цитирования: Шерстнев В.Б. Прекращение уголовного преследования в связи с полным возмещением ущерба // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 136–143. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-136-143.

Vladimir B. Sherstnev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

3, Ankudinovskoe highway, Box-268, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0594-3046., E-mail: Vsherstnev99@gmail.com

Termination of criminal prosecution for full reparation

Annotation: The creation of a special conciliation-compensatory mechanism for resolving criminal law conflicts in the economic sphere is an urgent political and legal problem. Without its permission, it is impossible to establish a new system of legal relations in the economic sphere between the state, the population and business, corresponding to the needs of the socio-economic development of Russia. Formally, such a mechanism is provided for in Article 761 of the Criminal Code of the Russian Federation and 281 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Under his normal work, the main task would be solved: compensation for damage from economic crimes, restoration of social relations in the economy. In addition, this would be achieved with the maximum saving of forces and means of law enforcement agencies. However, in practice, primarily in the preliminary investigation, this legal mechanism is applied little and does not fulfill its purpose. The article explains the causes of this phenomenon and suggests measures to address them. Part of these measures, legal and technical in nature, is associated with the optimization of the existing model for terminating the criminal in connection with compensation for damage. Among them, it is proposed to refuse such conditions for deciding on the termination of a criminal case (prosecution), such as the primacy, degree of public danger of the crime, the fullness of the consent of a person with a suspicion (accusation) against him and others. However, a much greater effect of the analyzed legal mechanism could be achieved if the preliminary investigation was carried out. The establishment of

a judicial procedure for bringing charges, forming the basis of criminal liability and exemption from it in connection with compensation for a crime committed in the economic sphere would make the procedure fair and open, and therefore attractive to all participants in a criminal case.

Keywords: termination of criminal prosecution, redress, economic crimes, reform of the preliminary investigation.

For citation: Sherstnev V. B. Termination of criminal prosecution for full reparation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 1 (85). – P. 136–143. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-136-143.

Введение

Президент России В. В. Путин многократно обращал внимание на издержки использования уголовно-правовых средств в сфере экономики и на недопустимость оказания давления на бизнес уголовным преследованием¹. На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации Президент выступил с критикой порочной практики передавать в суд уголовные дела, которые подлежат прекращению ещё на стадии предварительного расследования². В. В. Путин признаёт, что пока, несмотря на принимаемые властями меры, ситуация к лучшему не меняется³, и призывает к поиску средств разрешения данной проблемы.

Подтверждением актуальности того, о чём говорит Президент России, служит опыт создания и применения правового механизма, предусмотренного ст. 76¹ УК РФ и ст. 28¹ УПК РФ. Очевидно, что в данном случае законодатель пытается создать оптимальный способ разрешения возникающих в сфере экономики уголовно-правовых конфликтов. Редакция статьи 28¹ УПК РФ подверглась на настоящий момент уже шестикратному изменению, столько же раз менялась и редакция ст. 76¹ УК РФ. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ⁴ не только расширил круг преступлений, по которым допускается прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, но совершил знаковое переименование статьи 28¹ УПК РФ, а именно: «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба». В таком же направлении была переименована и статья 76¹ УК РФ, соответственно: «Освобождение от уголовной ответствен-

ности в связи с возмещением ущерба». Можно с большой вероятностью утверждать, что в этих формулировках отражены назначение и сущности правового механизма, регулируемого статьёй 28¹ УПК РФ, статьёй 76¹ УК РФ. Сразу скажем, что мы разделяем такую прагматичную идеологию современной уголовной политики обеспечения экономической безопасности, элементом которой и стало формирование анализируемого правового механизма [3, с. 7–8]. Между тем, как показывает десятилетняя история его существования, своего назначения он пока не выполняет. Так, например, органами предварительного расследования МВД России в 2017 году по основаниям, предусмотренным ст. 28¹ УПК РФ, было прекращено 5 уголовных дел в отношении 6 лиц; в 2018 году – ни одного дела; за первую половину 2019 года соответственно 25/25⁵. Судами по данным основаниям было прекращено уголовных дел: в 2017 году – 39; в 2018 году – 31, за первую половину 2019 года – 22⁶.

Очевидно, есть причина (или причины), препятствующая реализации воли законодателя на практике. И, судя по всему, она носит не только юридико-технический, но и институциональный, доктринально-методологический характер. Мы поставили своей целью объяснить данную причинно-следственную зависимость и предложить меры по её устранению. В данной связи решались задачи, во-первых, обосновать то, что главным инструментом разрешения уголовно-правовых конфликтов, возникающих в сфере экономической деятельности, должно стать мировое соглашение сторон о прекращении уголовного преследования (или отказе от него) в связи с полным возмещением причинённого ущерба, во-вторых, доказать, что главным препятствием для создания такого инструмента является следственная организация досудебного производства по уголовным делам; в-третьих, объяснить, какие устаревшие доктринальные, теоретические уголовно-правовые категории надо пересмотреть, и, наконец, предложить обший проект правовой модели разрешения во-

¹ Путин В.В. Послание к Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work> (дата обращения: 10.12.2019).

² Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. 28 февраля 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 10.12.2019).

³ Путин В.В. Послание к Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work> (дата обращения: 10.12.2019).

⁴ О внесении изменений в статьи 76¹ и 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8459.

⁵ Экспресс-информация по России о следственной работе и дознании органов внутренних дел за 2017–2019 годы. Статистические данные ГИАЦ МВД России : приказ МВД России от 31 июля 2012 г. № 747 «Об утверждении форм статистической отчётности».

⁶ Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.12.2019).

проса о прекращении уголовного преследования лиц, возместивших в полном объёме ущерб от совершённых преступлений экономической направленности.

Описание исследования

Применяя языковой метод толкования, выясним смысл названий статей 28¹ УПК РФ и 76¹ УК РФ. Замечательна сама терминология, используемая законодателем при формулировании названия статьи 28¹ УПК РФ: во-первых, здесь говорится о прекращении не уголовного дела, а уголовного преследования, а во-вторых, прекращение уголовного преследования связывается напрямую с одним только фактом возмещения ущерба.

На наш взгляд, первое указывает на принципиальную возможность прекращения уголовного преследования по данному основанию в любой стадии уголовного процесса, не исключая и стадии возбуждения уголовного дела, то есть тогда, когда уголовного дела как такового ещё нет, а уголовное преследование уже может осуществляться, хотя этому противятся господствующая доктрина и позитивное право.

Если использовать не буквальное, а расширительное толкование термина «уголовное преследование» (п. 55 статьи 5 УПК РФ), опираясь на широко известное постановление Конституционного Суда РФ⁷, а также используя неортодоксальный доктринальный подход [2, с. 266–270], согласно которому уголовное преследование, а значит, и деятельность, производная от неё, может осуществляться в стадии возбуждения уголовного дела, до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, то и прекращаться оно тоже может в этой стадии – до возбуждения уголовного дела.

Такой вывод противоречит следственному стандарту прекращения уголовного дела, закреплённому в главе 29 УПК РФ. Однако, как показывает изучение практики, отраженной в некоторых публикациях [1, с. 6, 7], прекращение уголовного преследования за совершение налоговых преступлений, преступлений экономической направленности происходит по результатам доследственной проверки, в стадии возбуждения уголовного дела. Подтверждением существования такой практики является Информационное письмо от 4 сентября 2015 г. № 247-34665-15 «О порядке освобождения от уголовной ответственности по делам о налоговых преступлениях на основании части первой статьи 28.1 УПК РФ», направленное заместителем председателя Следственного комитета РФ, где она была официально запрещена.

Несмотря на формальный запрет прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба в стадии возбуждения

уголовного дела, это продолжается и сейчас под прикрытием применения оснований отказа в возбуждении уголовного дела (предусмотренных пунктами 1, 2, 5 части 1 ст. 24 УПК РФ, другими нормами статей 24, 27 УПК РФ). Об этом свидетельствуют полученные нами в ходе социологических⁸ и эмпирических исследований⁹ данные. Значит, потребность в этом есть, и её надо легализовать.

Второй смысловой момент, выделенный нами в анализируемой законодательной формулировке, состоит в проведении прямой связи между возмещением ущерба и прекращением уголовного преследования. Аналогичная связь прослеживается и в наименовании статьи 76¹ УПК РФ: между возмещением ущерба и освобождением от уголовной ответственности.

Значит, возмещение ущерба является не столько условием, сколько основанием (или, по крайней мере, центральным элементом «основания») как прекращения уголовного преследования, так и освобождения от уголовной ответственности. Главная идея, заложенная в правовую конструкцию, материальная составляющая которой образуется статьей 76¹ УК РФ, а процессуальная – статьей 28¹ УПК РФ, состоит в применении универсального средства разрешения уголовно-правовых конфликтов, возникающих между населением, бизнесом и государством в экономической сфере – путём возмещения преступного ущерба. На этом положении строится анализируемая нами договорная (согласительно-компенсаторная) правовая конструкция.

Применение метода сравнительно-правового анализа позволяет говорить о том, что в данной правовой конструкции воплощена универсальная модель «транзакции» («transactio»), имеющей место и в законодательстве других государств [10, с. 14–16], т.е. соглашения сторон о выплате виновным причинителем вреда возмещения (компенсации плюс штрафа) в обмен на прекращение уголовного преследования и (или) снятие обвинения полностью или частично. Идеино-политический посыл воли законодателя очевиден: раз правовой конфликт возник в экономике, значит, экономическими же средствами желательно его разрешить.

Заметим, что идея «сервисного государства» и новой экономической уголовной политики, о которых говорят в современных научных источниках [4, с. 79, 80], состоит в переходе от репрессивного к компенсаторно-штрафному типу уголовно-правового воздействия; превалянии мотива целесообразности над неот-

⁷ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 27. – Ст. 2882.

⁸ Интервьюируемые и анкетированные нами на протяжении 2016-2019 годов следователи, прибывающие из различных регионов в Нижегородскую академию МВД России для повышения квалификации, подтвердили это.

⁹ Такого рода примеры встретились нам при изучении отказных материалов: №№ 712/15 (КУСП № 2264 от 05.02.2015), 252/16 (КУСП № 24312 от 02.12.2016), 5120/17 (КУСП – 19550 от 19.09.2017) / Отдел полиции № 5 ГУ МВД по Нижегородской области.

вратимостью уголовной ответственности; переносе акцента в мере уголовной ответственности с личного на компенсаторно-штрафной аспект. Это, в свою очередь, невозможно без формирования принципиально нового понимания значения саморегуляции и самозащиты в уголовно-правовой сфере; перестановки публичного и частного начал в правовой организации ключевых уголовно-процессуальных институтов: обвинения и доказывания: из сугубо публично-правовой (следственной) они перемещаются в частно-правовую область [5, с. 59–60]. Мы разделяем такой подход, при котором инициатива привлечения к уголовному преследованию нарушителя законодательства в сфере экономики, равно как и освобождения от уголовной ответственности должна принадлежать тому субъекту, которому причинён материальный ущерб. И этот субъект должен быть наделён диспозитивным правом использования наиболее удобного (выгодного) для него правового средства защиты своего интереса.

Вся конструкция договорно-компенсаторно-штрафной модели транзакции в уголовном процессе строится на идее об удовлетворении требования о полном возмещении ущерба, причинённого преступлением. Выполнение данного требования плюс формальное согласие с обвинением порождает у правоприменителя не право, а обязанность прекратить уголовное дело (преследование). Это вытекает из позиции Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой уголовное преследование субъектов предпринимательской деятельности должно осуществляться органом следствия или судом во всех случаях, когда установлено наличие одного из оснований, предусмотренных статьями 75–76² УК РФ¹⁰, то есть и ст. 28¹ УПК РФ.

Если проанализировать оптимизацию механизма правового регулирования по статье 28¹ УПК РФ, в которой помимо законодателя приняли участие Конституционный Суд России, Верховный Суд России, Генеральный прокурор России¹¹, то можно заключить, что если не отпали, то утратили признак обязательности элементы классического юридического состава «деятельного раскаяния», которые могли помешать или усложнить решение главного вопроса – о возмещении причинённого преступлением ущерба в обмен на прекращение уголовного преследования. Прежде всего утратило прежнее

¹⁰ О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»: постановление Пленума Верховного суда РФ от 3 октября 2017 г. № 33 // Российская газета. – 2017. – 13 октября. – № 232.

¹¹ Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: указание Генпрокуратуры России от 1 декабря 2017 г. № 815/36 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.12.2019).

своё абсолютное, императивно-правовое значение положение о первичности совершения подозреваемым (обвиняемым) преступления: Пленум Верховного Суда РФ пояснил, что для целей статьи 76¹ УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьёй, от ответственности по которой оно освобождается¹². Таким образом, «повторность» связывается только с фактом совершения исключительно того налогового преступления, в котором обвиняется лицо, и за которое лицо было уже осуждено.

Нельзя не отметить, что омбудсмен по правам предпринимателей настаивает на том, чтобы полностью был снят признак первичности к деяниям, на который распространяется анализируемый нами правовой механизм¹³. Так что, скорее всего, этот элемент состава основания прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба вообще отпадёт.

Далее Пленум Верховного Суда РФ сформулировал позицию, из которой следует, что уголовное дело по любому из оснований, предусмотренных статьёй 76¹ УК РФ, может быть прекращено судом и в случае неполного согласия обвиняемого с предъявленным обвинением¹⁴.

Кроме того, из разъяснений, сделанных Пленумом Верховного Суда РФ, вытекает, что судебная власть допускает отход от необходимости полного возмещения вреда на момент принятия решения в суде о прекращении уголовного преследования¹⁵.

Наконец, в отечественном процессуальном механизме транзакции утратило актуальность ограничение по тяжести преступления: в круг преступлений, по которым могут прекращаться уголовные дела в порядке статьи 28¹ УПК РФ, входят и тяжкие преступления, например, предусмотренные частями 6–7 ст. 159, ст. 197, ч. 2 ст. 199² УК РФ.

Это также подтверждает тезис об отходе от классической схемы «деятельного раскаяния» (по статье 28 УПК РФ) в сторону создания модели, ориентированной на возможно полное и

¹² См.: пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2013. – 5 июля [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2019).

¹³ См.: Титов Б. Бизнес под «статьёй» [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». – 2014. – 2 дек. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2014/12/02/36727921> (дата обращения: 10.12.2019).

¹⁴ См.: пункты 16–18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. – 2016. – 24 ноября.

¹⁵ См.: пункты 1, 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. постановления от 29 ноября 2016 г. № 56); пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48.

быстрейшее возмещение вреда, причинённого преступлением чужой собственности. Можно обоснованно предполагать, что и правовой механизм, предусмотренный ст. 76¹ УК РФ, ст. 28¹ УПК РФ, будет оптимизироваться в данном направлении, как это предусматривается в некоторых программах государственно-правового развития России на период 2018–2025 гг.¹⁶

Поскольку на первый план в противодействии преступлениям экономической направленности, налоговым преступлениям выходит экономический мотив, целесообразность, постольку возникает необходимость в пересмотре традиционного представления о том, что является основанием уголовной ответственности, а вместе с тем и основанием освобождения от таковой. Сделать это, оставаясь на позициях юридино-догматического толкования закона, невозможно. Необходим новый теоретико-методологический подход. В последнее время он получил развитие в ряде публикаций, где нашли обоснование следующие положения: уголовно-правовое отношение возникает на основании уголовно-процессуального отношения между обвинителем, судом и обвиняемым [5, с. 57–58]; основание уголовной ответственности формируются в суде на доказательствах обвинения, получивших подтверждение в суде [4, с. 80–80]; основание уголовной ответственности может меняться (в сторону смягчения) в результате соглашения сторон, достигаемого в рамках согласительной процедуры [6, с. 199–207]; прокурор праве принять решение о прекращении уголовного преследования полностью или частично, что, соответственно, делает невозможным привлечение к уголовной ответственности [5, с. 83–84]. Главный вывод состоит в том, что основанием уголовной ответственности и производного от него основания освобождения от уголовной ответственности является не само по себе совершенное преступление, а доказанное в процессе «утверждение» о совершении преступления, то есть обвинение.

Из этого следуют выводы: во-первых, основание прекращения уголовного дела в связи с возмещением ущерба устанавливается / производится в ходе уголовно-процессуальной деятельности – доказывания; во-вторых, своеобразие способа фактообразования здесь в том, что он носит, по крайней мере, отчасти, договорной, согласительный характер. Значит, основание освобождения от уголовной ответственности в

связи с возмещением (полным) ущерба от преступления, совершённого в сфере экономической деятельности, образуется не фактом совершения преступления, а соглашением сторон относительно (а) правомерности подозрения (обвинения) и (б) возмещения ущерба от преступления, по подозрению (обвинению) в котором лицо преследуется в уголовно-правовом порядке.

Следующий концептуальный вопрос состоит в том, кто освобождает. При следственной правовой организации правоприменения, каковой является современное досудебное производство по уголовному делу, на это уполномочен следователь, а шире – орган предварительного расследования. Между тем такое положение противоречит презумпции невиновности и судебному способу формирования основания уголовной ответственности и привлечения к уголовной ответственности.

Обращает на себя внимание то, что наряду с формированием принципиально нового механизма разрешения уголовно-правовых конфликтов в сфере экономики законодатель усиливает участие суда в процедурах разрешения уголовного дела альтернативным путём. О повышении значения судебного фактора в институте прекращения говорит появление норм части 1¹ статьи 214, статьи 214¹ УПК РФ. Появилась судебная процедура принятия решения о замене уголовного наказания мерой уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (статья 25¹, глава 51¹ УПК РФ). На данную тенденцию работают и решения Конституционного Суда РФ, который допустил возможность суда при осуществлении судебного контроля по жалобе на прекращение уголовного дела проверять обоснованность подозрения или обвинения данного лица в совершении инкриминируемого ему преступления, не вторгаясь в вопрос о доказанности вины этого лица¹⁷.

На наш взгляд, это две взаимосвязанные тенденции: 1) расширение возможностей примирения сторон уголовно-правового конфликта на основе возмещения ущерба и 2) повышение роли судебной власти в договорно-согласительном правовом устройстве разрешения уголовно-правовых конфликтов. В целом мы выступаем за перевод на судебный порядок принятия решения об освобождении от уголовной ответственности за преступление против собственности в связи с полным возмещением ущерба и уплатой штрафа.

Между тем допустимо наличие наряду с судебной процедурой прекращения уголовного преследования и внесудебного порядка разрешения вопроса об отказе от уголовного пре-

¹⁶ См.: Судебная реформа. Приложение № 13 к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Февраль 2017 г. [Электронный ресурс] // Сайт Института экономики роста им. П.А. Столыпина. – Режим доступа: <http://институтроста.рф/upload/iblock/9f4/13.-sudebnaya-reforma.pdf> (дата обращения: 10.12.2019); Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков и др. Центр стратегических разработок «Институты и общество» [Электронный ресурс] // Сайт Центрального банка Российской Федерации. – Режим доступа: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

¹⁷ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова : постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 47. – Ст. 6156.

следования и выдвигания обвинения в связи с полным возмещением ущерба или иным заглаживанием вреда, причинённого преступлением, а тем более – уголовным проступком, введение которого в наше законодательство сейчас обсуждается.

Таким в принципиальном виде представляется альтернативный правовой механизм разрешения уголовно-правового конфликта путём возмещения ущерба, который может применяться не только к налоговым преступлениям, преступлениям экономической направленности, но и ко всем преступлениям против собственности.

Однако, полагаем, без реформы правовой организации досудебного производства создание подобного механизма невозможно. В частности, невозможно перенесение в стадию возбуждения уголовного дела легального разрешения уголовно-правового спора по существу через принятие решения об отказе от возбуждения уголовного дела (уголовного преследования подозреваемого) в связи с возмещением ущерба. В теории призывы к принятию такого рода мер имеются [8, с. 192–196], но они противоречат официальной – следственной доктрине, заложенной в действующее законодательство. Значит, надо менять следственную доктрину и законодательство, основанное на ней.

Параметры такой реформы, которую провели у себя многие страны, ранее входившие в состав Советского Союза (Казахстан, Киргизия, Украина, Грузия и др.), намечены в ряде статей, опубликованных в последнее время представителями нижегородской школы процессуалистов [4, с. 75–86; 5, с. 53–61]. Главными шагами в ней являются переход на судебный порядок а) предъявления обвинения и б) доказывания или иначе: (формирования) основания для применения уголовного закона. Следователь лишается двух главных полномочий: обвинять (привлекать к уголовной ответственности) и создавать основание уголовной ответственности (формировать уголовно-процессуальные доказательства в виде протоколов следственных действий). Отсюда уже вытекает, что в полномочия следователя не входит и принятие решения об освобождении от уголовной ответственности – это должно относиться к юрисдикции судебного органа. Следователь утрачивает процессуальный статус самостоятельного субъекта уголовного преследования. Полномочия субъекта публичного уголовного преследования и участника уголовно-процессуальных отношений с органами судебной власти и представителями стороны защиты должны быть только у прокурора. Прокурору надлежит заключать соглашения со стороной защиты об отказе от уголовного преследования или прекращении преследования (дела) в случае, если будет полностью возмещён причинённый преступлением ущерб.

Заключение

Итак, предлагаемый нами проект реорганизации уголовно-процессуальной формы пре-

кращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба состоит в переходе на судебный порядок: а) доказывания (установления основания обвинения и одновременно уголовной ответственности), б) предъявления обвинения, в) принятия итогового процессуального решения, конституирующего виновность обвиняемого в совершении преступления и освобождение его от наказания в связи с полным возмещением ущерба. Судебный, а не следственный орган должен устанавливать основание уголовной ответственности и основание освобождения от неё в связи с возмещением ущерба в рамках предварительно достигнутого об этом соглашения сторон. Этим судебным органом должен быть следственный судья, о котором много говорилось в последние несколько лет [7, с. 1–45; 9, с. 200–213].

Предлагаемая нами процедура должна включать следующие конструктивные элементы:

1. Следователь, расследовав и раскрыв преступление, предлагает изблечённому в совершённом преступлении лицу признать свою вину и полностью возместить ущерб.

2. Между сторонами, включая потерпевшего, заключается соглашение об условиях прекращения уголовного дела в связи с возмещением ущерба, которое содержит обязательства о размере, виде, сроке возмещения.

3. Получив документы, подтверждающие возмещение ущерба в оговоренном объёме, следователь передает материалы уголовного дела прокурору.

4. Прокурор, согласившись с выводами следователя и убедившись в доказанности обвинения в совершении преступления экономической направленности (против чужой собственности), а также в полном возмещении ущерба, соблюдении сторонами всех условий соглашения и требований уголовно-процессуального закона, выносит постановление о предъявлении обвинения и одновременно о возбуждении ходатайства перед следственным судьёй о прекращении уголовного дела в связи с возмещением ущерба. Направляет уголовное дело с постановлением о возбуждении соответствующего ходатайства следственному судье.

5. Следственный судья с участием прокурора, обвиняемого, его защитника и других лиц по правилам судебного разбирательства в особом порядке проверяет (а) доказанность обвинения и виновность обвиняемого по предъявленному обвинению, (б) согласие обвиняемого с обвинением и прекращением уголовного преследования по данному основанию, (в) соблюдение сторонами условий достижения соглашения о прекращении уголовного дела по данному основанию, (г) соблюдение прав и законных интересов обвиняемого и других лиц, заинтересованных в исходе дела.

6. Решение о прекращении уголовного дела принимается следственным судьёй с учётом позиций и доводов обеих сторон в виде постановления, которое имеет юридическую силу

акта правосудия и может быть обжаловано по общим правилам в вышестоящую судебную инстанцию.

Полагаем, что предлагаемая процедура должна проводиться во всех случаях, когда, кроме возмещения ущерба, на обвиняемого накладываются также штрафные санкции.

Кроме описанного выше – судебного – способа прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба предлагается внесудебный способ разрешения уголовно-правового конфликта в досудебном производстве: без предъявления обвинения, без вынесения постановления о прекращении уголовного дела следственным судьёй и без наложения штрафных уголовно-правовых санкций.

При таком варианте прокурор предлагает изобличённому в совершении преступления лицу заключить мировое соглашение об отказе от предъявления обвинения в связи с полным возмещением ущерба. В случае выполнения условий соглашения причинителем вреда прокурор выносит постановление об отказе от его уголовного преследования.

И последнее: надо понимать, что только угроза неотвратимой и достаточно жёсткой уголовной ответственности будет побуждать правонарушителей к соглашению на возмещение ущерба. Поэтому дальнейшую гуманизацию уголовного закона в рассматриваемой области, смягчение наказаний за преступления экономической направленности мы считаем неоправданными.

Список литературы

1. Алаев Р. С. Новые особенности правового механизма прекращения уголовных дел, предусмотренного статьей 28.1 УПК РФ / Актуальные проблемы расследования экономических преступлений : сборник научных трудов по итогам межведомственного круглого стола (1 марта 2018 года) / под ред. С.В. Власовой. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. – С. 6–9.
2. Александров А. С., Кухта А. А., Марчук А. Д. Обвинительная власть. Уголовный иск. Уголовное преследование и его виды. Лекция 7 / Уголовный процесс. Проблемные лекции : учебник для магистров / под ред. Марфицина П. Г., Томина В. Т., Зинченко И. А. – Москва: Юрайт, 2015. – 799 с.
3. Александров А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путём противодействия преступности в сфере экономики : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 608 с.
4. Александров А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. – 2019. – № 9. – С. 75–86.
5. Александров А. С., Власова С. В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – № 1. – С. 53–61.
6. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2019. – № 448. – С. 199–207.
7. Ковтун Н. Н. Специализированный следственный судья: за и против // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 41–45.
8. Миллер В. Ю. Современное российское законодательство по модернизации стадии возбуждения уголовного дела: топтание на месте // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2014. – № 1 (1). – С. 192–196.
9. Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. – 2017. – № 12 (133). – С. 200–213.
10. Смирнова И. Г. Трансакция – действенное средство устранения вредных последствий совершенных преступлений: быть ли ей в российском уголовном процессе? // Российский судья. – 2011. – № 10. – С. 14–17.

References

1. Alayev R. S. Novyye osobennosti pravovogo mekhanizma prekrashcheniya ugovolnykh del, predusmotrennogo stat'ey 28.1 UPK RF / Aktual'nyye problemy rassledovaniya ekonomicheskikh prestupleniy : sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdedomstvennogo kruglogo stola (1 marta 2018 goda) / pod red. S.V. Vlasovoy. – 2018. – S. 6–9.
2. Aleksandrov A. S., Kukhta A. A., Marchuk A. D. Obvinitel'naya vlast'. Ugolovnyy isk. Ugolovnoye presledovaniye i yego vidy. Lektsiya 7 / Ugolovnyy protsess. Problemnyye lektsii : uchebnyy dlya magistrrov / pod red. Marfitsina P. G., Tomina V. T., Zinchenko I. A. – Moskva: Yurayt, 2015. – 799 s.
3. Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A. Sovremennaya ugovolnaya politika obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti putem protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 608 s.
4. Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A., Vlasova S. V. Teoreticheskaya kontseptsiya gosudarstvenno-pravovoy organizatsii protivodeystviya prestupnosti v 21 veke // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 9. – S. 75–86.
5. Aleksandrov A. S., Vlasova S. V. Antidogmatika: novoye ponimaniye ugovolnogo protsesssa i prava // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2019. – № 1. – S. 53–61.
6. Aleksandrov A. S., Andreyeva O. I., Zaytsev O. A. O perspektivakh razvitiya rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii // Vestnik Tomsk. gos. un-ta. – 2019. – № 448. – S. 199–207.

7. *Kovtun N. N.* Spetsializirovanny sledstvennyy sud'ya: za i protiv // Rossiyskaya yustitsiya. – 2010. – № 9. – S. 41–45.
8. *Miller V. Yu.* Sovremennoye rossiyskoye zakonotvorchestvo po modernizatsii stadii возбуждения уголовного дела: toptaniye na meste // Vestnik Nizhegorodskoy pravovoy akademii. – 2014. – № 1 (1). – S. 192–196.
9. *Ryabinina T. K.* Neobkhodim li rossiyskomu ugolovnomu protsessu institut sledstvennogo sud'i? // LexRussica. – 2017. – № 12 (133). – S. 200–213.
10. *Smirnova I. G.* Transaktsiya – deystvennoye sredstvo ustraneniya vrednykh posledstviy sovershennykh prestupleniy: byt' li yey v rossiyskom ugolovnom protsesse? // Rossiyskiy sud'ya. – 2011. – № 10. – S. 14–17.

© Шерстнев В.Б., 2020

Статья поступила в редакцию 10.12.2019 г.